

Однако Хуа Буюй всё же заметил висящий на поясе Шэнь Ши душистый фиолетовый мешочек, изготовленный из тонкой золотой нити. Стежки были неровными, бамбуковые листья больше походили на кленовые, а кончик нитки так и не был аккуратно спрятан.

Он даже не мог представить, кто мог подарить такую вещь. В прошлой жизни он никогда не видел этого у Шэнь Ши, и тот никогда не принимал подобных подарков...

Хуа Буюй оцепенело посмотрел на одинокий домик среди леса, не в силах прийти в себя.

Неужели это он сделал?

Вряд ли найдётся девушка с «таким» мастерством.

То странное, сжимающее горло чувство, не дающее дышать, снова накатило.

Кажется, ждать пришлось слишком долго, и человек внутри наконец заговорил:

— Ты будешь ждать, пока лекарство остынет, прежде чем занести его?

Хуа Буюй словно очнулся от этих слов и, собравшись с мыслями, подошёл. Цзи Цаншэн, одетый в серебристо-белое, был накрыт лёгким зелёным плащом цвета сливы. Сидя за столом, он опирался на локоть, даже не удосужившись поднять веки.

Поставив чашу с лекарством на стол, Хуа Буюй автоматически направился к аптечке, но, прежде чем открыть её, услышал резкий окрик:

— Что ты добавил в лекарство?

Он сжал губы, не отвечая, вынул чистый бинт из аптечки, мельком взглянул на пустую чашу и опустил глаза. К счастью, лекарства было немного, и у человека не было времени среагировать.

— Я перевяжу вашу рану. — Юноша, казалось, ничего не боялся, сам взял руку Цзи Цаншэна и, с лёгкостью сняв старую повязку, на мгновение замер, почувствовав костлявое запястье.

На тонкой, почти прозрачной коже руки отчётливо виднелись синие вены, а в месте укуса змеи остались два глубоких отверстия, которые не заживали.

Хуа Буюй взял флакон с лекарством, но, прежде чем успеть вколоть спрятанную в руке иглу, услышал, как Цзи Цаншэн, называя его по имени, резко бросил:

— Хуа Буюй, ты понимаешь, что делаешь?

— Потомки Шэньнуна веками скрывались, а ты, оказывается, превратил себя в лекарственный сосуд?

— И что, теперь ты будешь каждому предлагать свою кровь, чтобы спасти жизни?

С этими словами Цзи Цаншэн попытался вырвать руку, но это маленькое движение не ускользнуло от его глаз.

Однако юноша держал руку крепко, но не слишком сильно, не желая отпускать. Его пальцы были холодными, но ладонь тёплой, словно огонь, прижимаясь к руке Цзи Цаншэна, излучая непоколебимую решимость.

Он услышал, как его голос, хриплый, но с невиданной глубиной, тихо произнёс:

— Учитель...

Рука, которую держал Хуа Буюй, на мгновение замерла, пальцы слегка дрогнули, но так и не вырвались.

Он не поднял глаз, чтобы увидеть выражение лица Цзи Цаншэна, и не мог представить, как сам сейчас выглядит, лишь воткнул иглу в подушечку пальца, разорвал кожу и выдавил кровь.

Тело потомка Шэньнуна обладало уникальными свойствами — раны заживали быстро, и от укола серебряной иглой крови не было. Ранее, чтобы добавить кровь в лекарство, он резал запястье, но сейчас это было слишком жестоко, и пришлось терпеть боль, раз за разом разрывая рану.

Тёмно-красная кровь капала в рану, проникая в чернеющую дыру, пока чернота не исчезла, оставив лишь лёгкий след. Лишь тогда Хуа Буюй остановился, нанёс на рану целебный порошок и перевязал её бинтом.

Примерно через полдня рана заживёт, но яд в теле слишком силён, и лекарство придётся принимать ещё несколько дней.

После того как Хуа Буюй вытащил иглу, рана на пальце уже затянулась, не оставив и следа.

Эта наследственность заставляла всех потомков Шэньнуна избегать слишком тесного общения с людьми. Жизнь полна болезней и травм, и, если общаться слишком долго, тайна может раскрыться.

К счастью, Хуа Буюй с детства проявлял себя с лучшей стороны, и, если он не ранил других, это уже было хорошо. Поэтому за эти восемь лет никто не заподозрил ничего странного.

— Пойдём со мной. — Цзи Цаншэн встал, поправив одежду. После того как часть змеиного яда была нейтрализована, он почувствовал себя лучше, но потерянные силы оставили его в крайне слабом состоянии.

Хуа Буюй, видя, что Цзи Цаншэн идёт уверенно, молча последовал за ним. Лето в этом году наступило поздно, и лёгкий ветерок в лесу нёс свежесть и аромат, иногда смешиваясь с жужжанием насекомых, что придавало ощущение лета.

Цзи Цаншэн не мог использовать внутреннюю энергию, поэтому шёл не спеша по лесной тропе, покрытой опавшими листьями. Место, которое обычно можно было достичь за несколько шагов, сегодня заняло почти час.

Хуа Буюй знал это место, но бывал здесь редко. За эти восемь лет он сознательно избегал Цзи Цаншэна, поэтому не приходил сюда.

Когда Хуа Буюй только прибыл сюда, здесь стояла большая клетка для кошки. К сожалению, толстый кот по имени Хуаньхуань исчез вскоре после его прибытия в Врата Тяньюань. Говорили, что кошки, чувствуя приближение смерти, уходят, чтобы не огорчать хозяев, и умирают в тихом месте. Кошки умеют прятаться, и, если они действительно хотят скрыться, их уже не найти.

Хуа Буюй знал об этом, потому что тогда старшие братья были слишком заняты, и вся школа

помогала искать. И, несмотря на множество учеников Врат Тяньюань, никто так и не нашёл кота.

Теперь, когда он пришёл сюда, кошачья клетка была разобрана, а на ровной местности был разбит сад. Хотя здесь росли редкие цветы и травы, они не были слишком ценными, просто красивыми. Разве в Вратах Тяньюань мало красивых цветов?

Но, похоже, даже Чжэуа не ухаживал за этим садом. Ходили слухи, что Бессмертный владыка Тяньюань очень любил этот сад, и никто не смел его трогать, даже если бы сам Небесный император спустился с небес.

То, что раньше не имело к нему отношения, теперь оказалось перед ним, и Хуа Буюй почувствовал, что что-то не так.

Человек, который даже сидеть устаёт, как мог сам ухаживать за садом?

— Чик-чирик!

Несколько птиц внезапно слетели с неба, одна круглее другой, и, ударившись о плечо, издали глухой звук. Можно было догадаться, кто их кормил.

Эти птицы были похожи, и Хуа Буюй не мог определить их вид. Казалось, он где-то их видел, но не мог вспомнить.

Наверное, все птицы в мире похожи, поэтому возникло это странное чувство знакомства.

Цзи Цаншэн открыл низкую ограду и вошёл в сад. Сад был небольшим, с одной тропинкой, но её хватало, чтобы ухаживать за всеми растениями.

Хуа Буюй вздохнул, удивляясь, насколько Цзи Цаншэн любит эти цветы, что даже в таком состоянии сам за ними ухаживает. Он поспешил помочь, но, увидев саженцы у ног Цзи Цаншэна, замер на месте.

В этом небольшом саду, среди ярких цветов, прятались незаметные маленькие саженцы. Они выглядели обычными, и через некоторое время могли бы превратиться в красивые цветы, но Хуа Буюй... почувствовал.

Он замер, медленно опустился на колени, осторожно протянул руку, пальцы дрожали, но он не смел прикоснуться.

Это...

Даже спустя столько лет он мог это распознать.

В этом саженце была энергия его матери.

Он с трудом вздохнул и потянулся к другим саженцам, спрятанным среди цветов.

Семнадцать саженцев, ни одного меньше.

Семнадцать человек, ни одной ошибки.

Эти саженцы были выращены из крови всей деревни!

Тогда он был слишком мал, чтобы что-то понять.

Этот день наступил слишком внезапно, и он ничего не заметил.

То, что охраняла их деревня... было этим?

Хуа Буюй с недоумением посмотрел на Цзи Цаншэна, его глаза покраснели, и он не мог вымолвить ни слова.

— Я нашёл их поблизости. — Медленно объяснил Цзи Цаншэн.

После того как он собрал тела всех жителей деревни и стёр следы, он почувствовал их энергию и нашёл несколько хорошо спрятанных корзин. Поскольку владелец барьера умер, он раскрылся.

Цзи Цаншэн не сообщил об этом, хотя и не знал их ценности, но они принадлежали клану Шэньнун, и, пока потомки Шэньнуна живы, он не отдаст их в чужие руки.

Авторское примечание: Я убиваю себя саму!!!

Примечание: Фиолетовый цвет — это светло-лиловый, а зелёный цвет сливы — очень светлый и приятный зелёный.

Если я не буду бурно реагировать, то не получу комментариев, эх...

Благодарю маленького друга Юю за гранату, и вдруг вспомнила, что в 24 главе забыла добавить несколько строк. Это не правка, просто добавила авторское примечание... Пока нет сил переписывать, слишком сложно.

<http://bllate.org/book/17680/1648252>